

Александр Грин

Лошадиная голова

Александр Грин
Лошадиная голова

«Public Domain»

1923

Грин А. С.

Лошадиная голова / А. С. Грин — «Public Domain», 1923

«Приехав на разработку Пульта, Фицрой застал некоторых лиц в трауре. Молоденькая жена Добба Конхита, ее мать и «местный житель», как он рекомендовал себя сам, бродячий Диоген этих мест, охотник Энох Твиль, изменились, как бывает после болезни. Они разучились улыбаться и говорить громко...»

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Степанович Грин

Лошадиная голова

Он умер от злости...

Шатобриан

I

Приехав на разработку Пульта, Фицрой застал некоторых лиц в трауре. Молоденькая жена Добба Конхита, ее мать и «местный житель», как он рекомендовал себя сам, бродячий Диоген этих мест, охотник Энох Твиль, изменились, как бывает после болезни. Они разучились улыбаться и говорить громко.

Багровый Пульт, сидя в душной палатке, продолжал пить, но поверх грязного полотняного рукава его блузы был нашит креп¹. Сквозь пьянство светилось удручение. «Вы знаете, что произошло здесь?! – встретил он Фицроя, поддевая циркулем кусок копченого языка: – Добб упал в пропасть».

Казалось, он продолжает разговор, начавшийся только что. Беспорядок временного жилища Пульта ничем не отличался от состояния, в каком покинул палатку Фицрой одиннадцать дней назад; среди чертежей, свесившихся со стола завитками старой виньетки, стояла та же бутылка малинового стекла и та же алюминиевая тарелка, с единственной разницей, что тогда на ней были остывшие макароны. Смотря на нее, Фицрой поймал мысль «Хочу ли, чтобы те макароны были теперь?» Это равнялось веселому и живому Доббу. Но он еще не разобрался в себе и почему-то откладывал разбираться.

Перед тем, как заглянуть в остановившееся лицо вдовы, Фицрой знал уже все от служащих. «Как громом поразило меня», – сказал он Пульту, – солгал и знал, что солгал. «Да, подумайте! – закричал Пульт, – кроме того, что жалко, – Добб был моей правой рукой».

– Прекрасный, энергичный работник! – с жаром солгал Фицрой еще раз и стал противен себе. – «И не все ли равно теперь, – подумал он, – не я же столкнул его. Я только хотел, чтобы он умер. Но мое право думать, что я хочу». – И он сказал почти правду: – Добб умер. Смерть эта ужасна. Но я устал думать о ней.

– Как?! – переспросил Пульт. – Выпейте, вы что-то путаете, это прояснит ваши мозги.

– Вы знаете, что может случиться при местной жаре от чрезмерного употребления спирта?

– Да, жила в мозгу. А что?

– Мокрое полотенце, – сурово ответил Фицрой, – купанье и молоко.

Пульт вытаращил глаза, прыснул и расхохотался. Все затряслось под его локтем.

– Дикий, безобразный шутник! – сказал он, вытирая усы кистью. – Я пью, но... Мы живем раз. Вы отправитесь на А31. Хина и лекарь там.

Фицрой опустил глаза. Перед ним встала Конхита прежних дней. Он не мог уйти от нее и от еще чего-то, принявшего неопределенную форму Лошадиной Головы.

– Только три дня, Пульт, – сдержанно заговорил он. – В конце концов при вашей ужасной манере дробить горы самому, почти не сходя с места.

– Впрочем, – рассеянно перебил Пульт, – побудьте пока с Доббами. Им очень тяжело.

– И мне тоже, – сказал, выходя, Фицрой. Теперь он не лгал. Он не лгал и себе, когда, ведя в поводу лошадь, особенным, верхним взглядом рассматривал строго и грустно обшир-

¹ Креп – здесь: траурная повязка.

ную долину с насыпями карьеров, столбами шахт и линиями канав. Работы, начатые по оригинальному плану Пульта одиннадцать дней назад, вызвали бы у него привычную мысль о могуществе человеческого ума; теперь эти следы стали на диком пейзаже казаться царапинами, сделанными тупым ножом по дубовой доске. Он заметил также, что не хочет есть, хотя поел лишь рано утром. Жар солнечных лучей раздражал его, как прикосновение колючего и липкого меха.

Он правильно сцепил мысли, надеясь вызвать наконец чувства мести и торжества. «Добб умер, так поступил бы я с ним, если бы не боялся суда. И я смотрел бы сверху, как исчезает с криком в пустоте это бодрое, любимое тело. Я все равно что видел. Вот мое черное счастье; его цвет будет носить Конхита. Я зол, зол, зол; его смерть сладка».

Слова эти, эти мысли мешались с кроткими словами любви. Он не понимал, как ласка, которой было полно его существо, и светлая грусть о недоступной душе, и мольба к ней – могут вместить зло. Он думал и не испытывал торжества.

II

Войдя в свое помещение, Фицрой понял, что среди этой полупоходной обстановки, оставшейся совершенно нетронутой, тоже исчезло навсегда нечто, – как будто умерла часть прежнего впечатления. Скоро он понял, что умерло: «приход Добба», – Добб более не придет сюда. Он не придет также к жене и матери. Первый раз в жизни он чувствовал, как много исчезает вокруг с исчезновением человека, составлявшего часть жизни, хотя бы и ненавистную часть. Думая о Доббе, он видел безмолвную пустоту везде, где в его мысли мог жить и быть Добб: в горах, шахтах, перед собой и всюду, о чем он думал, как о месте, связанном с фигурой приятеля.

Зная, что никто не увидит его, и если увидит, то никогда не постигнет той смеси презрения и вызова по отношению к самому себе, – не ощутит пружины движения, заставившего подойти к зеркалу, – Фицрой остановился перед стеклом и быстро заглянул в собственные глаза. Даже видя лицо, ему было трудно поместить внутренний мир свой в черты зеркального двойника, – черты были красивы и грустны. Бледность и загар смешались в этом лице с ясностью прозрачных сумерек; выражение не было ни подлым, ни хитрым, лишь в глазах тронулось и исчезло нечто подобное мгновенно вильнувшему хвосту лисы. «Это мое лицо. Я зол. Я жесток. Я рад».

– Мой рад, масса, – сказал негр, внося кофейник. – Твой приехал, не захворал.

– Рад? – переспросил Фицрой, хмурясь и вглядываясь в него.

– Очень рада, был хорошо здоров.

– Ты врешь, черная собака, – сказал Фицрой, вдруг посинев от злобы и тоски.

Негр, съжившись, отступил. Его жалобно оскаленный рот и сморщенные от страха глаза еще более обозлили Фицроя.

– Лжешь, – повторил он. – Ты был бы рад, если бы я валялся в пыли и гнили.

– Уфф! – сказал негр, пятась. – Масса больной. Твой пьет кофей, горячий; хороша будет.

Фицрой рассеянно отвернулся. «Все мы говорим так», – пробормотал он. Затем прошло несколько минут в тупом и горьком недоумении перед лицом жизни, которую он любил так нежно и тяжело. Кофе, как показалось ему, отзывался железом. Он нехотя выпил полстакана, затем отправился к вдове Добба.

У колодца ему пересек дорогу Энох Твиль, махая рукой. Он бежал, но перейдя в шаг и поздоровавшись, дышал не чаще, чем мы, когда встаем со стула. От легкой фигуры старика веяло сродством с движением и горами. Седые волосы, подстриженные на его крутом лбу, окружали ввалившееся, с острым носом, лицо косматым четырехугольником, прищуренные желтые глаза блестели шестьюдесятью годами солнца и ветра. Он был в темном жилете поверх красной блузы и остроконечной шапке из рыжей белки. Догнав Фицроя, Твиль остановился и, прижав локтем ружье, с которым не расставался, стал закуривать папиросу. Взгляд его исподлобья не покидал глаз Фицроя.

– Вернулись? – сказал он. – Да, было дело. Все знаете? Это произошло на том месте тропы, на повороте, как раз против Головы. Накануне я выследил медведя, но пройти можно было только тропой. Конечно, ходили не раз. Я отстал. Как он вскрикнул, – было уже поздно, хотя я все понял. Потом я осмотрел место. Потопы нанесли щепня, и он скользнул по нему, как на коньках. Еще при мне упало несколько крупинок песку, а внизу было еще тише, чем всегда. Не сразу я пошел назад. А самое страшное, – что он здесь только что был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.